

УДК 1; 316.37

DOI 10.23683/2227-8656.2018.2.8

**РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ
ИССЛЕДОВАНИЙ НОВОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ
ЭКСКЛЮЗИИ**

Родионова Валентина Ивановна

Доктор философских наук, доцент, профессор,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал),
Донской государственной
технической университет в г. Шахты,
e-mail: rodionova.disser@mail.ru

Швачкина Людмила Александровна

Доктор философских наук, доцент, профессор,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал),
Донской государственной технической
университет в г. Шахты,
e-mail: shvachkina@mail.ru

В статье производится анализ методологии исследования новой социальной реальности, социальной эксклюзии в российском обществе в современной социологической мысли. Авторы статьи обосновывают идею о том, что социальная эксклюзия – достаточно продуктивный для российского научного сообщества методологический ресурс. Авторы считают, что социальная эксклюзия как понятие получила в современном общественном знании дивер-

**THE DEVELOPMENT OF
RESEARCH METHODOLOGY
OF NEW SOCIAL REALITY:
PRACTICES OF SOCIAL
EXCLUSION**

Valentina I. Rodionova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Institute of services industry
and businesses (branch),
Don State Technical University,
Shakhty,
e-mail: rodionova.disser@mail.ru

Lyudmila A. Shvachkina

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Institute of services industry
and businesses (branch),
Don State Technical University,
Shakhty,
e-mail: shvachkina@mail.ru

The article analyzes the methodology for investigating new social reality, social exclusion in Russian society in modern sociological thought. The authors of the article substantiate the idea that social exclusion is a methodological resource that is productive enough for the Russian scientific community. The authors believe that social exclusion as a concept has been diversified in modern social science. For several decades, after the for-

сифицированный характер. На протяжении нескольких десятилетий, прошедших после формирования указанного понятия, появляются так называемые точки притяжения к другим социальным явлениям и процессам, связанным с эксклюзией. В статье отмечается, что в российской социальной мысли есть нацеленность на изучение бедности, процессов маргинализации, дезадаптации малообеспеченных слоев и групп населения. Вместе с тем социальная эксклюзия связывается с зонами рисков, тревог и страхов. Исходя из концептуальных обобщений, в социальной науке делается вывод, что понятие «социальная эксклюзия» содержит большой методологический и прогностический потенциал в рамках исследования процессов социальной реальности. В статье делается вывод о том, что понятию «социальная эксклюзия» необходима дальнейшая разработка на основе научного обмена мнениями для расширения предметного поля и обнаружения методологических лакун, позволяющих легитимизировать социальную эксклюзию в общественном сознании.

Ключевые слова: методология социальных наук; социальная эксклюзия; дезадаптация; социальная поляризация; социальная депривация.

mation of this concept, so-called "points of attraction" to other social phenomena and processes associated with exclusion. The article notes that in Russian social thought there is a focus on the study of poverty, the processes of marginalization, disadaptation of low-income strata and population groups. At the same time, social exclusion is associated with zones of risks, anxieties and fears. Proceeding from the conceptual generalizations in social science, the conclusion is drawn that the concept of "social exclusion" contains a great methodological and prognostic potential in the study of the processes in social reality. The article concludes that the notion of "social exclusion" requires further development on the basis of scientific opinions for the expansion of the subject field and the discovery of methodological gaps that allow legitimizing social exclusion in the public consciousness.

Keywords: methodology of social sciences; social exclusion; disadaptation; social polarization; social deprivation.

Введение

Для отечественной социологической мысли, где сохраняется традиция операционализации категории бедности, социальная эксклюзия воспринимается как сложная, хотя и имеющая привлекательный смысл инновация. Дело в том, что в рамках сложившегося социологического дискурса проявляется конвенциональное отношение к проблемам социального расслоения, которое характеризуется по схеме бедность – богатство. Признавая, что в российском обществе действует парадигма социальной поляризации, что социальная структура российского общества сложилась в контексте социальных трансформаций, имевших массовый эффект социальной депривации и дезадаптации, исследователи подчеркивают ограниченность использования социальной эксклюзии в сложившемся за рубежом контексте.

Речь идет о том, что социальная наука задалась проблемами социальной эксклюзии в период «тихой революции», смены социальных норм и ценностей общества социального модерна, в котором идея социального прогрессизма имела последствием достижение социальной гармонии или по крайней мере устранения социальных диспропорций, планирование политики, ориентированной на локализацию бедности. Как подчеркивали американские социологи в 70-е гг. XX в., социальный протест в обществе вызван депривацией групп социального исключения по этнорасовым, культурным, возрастным и территориальным критериям (Американская социология, 1972. С. 78).

Формируя определенное представление о социальной эксклюзии как геттоизации, маргинализации меньшинства, стоящего вне общественного мейнстрима большинства, делался вывод о том, что в современном обществе, где социальным эталоном перестало быть стремление к социальной справедливости и где проявляются самоизоляция и дистанцирование от общества в рамках предпочтения индивидуального выбора, американские социологи тем самым подчеркивали, если не «нелепость» притязаний на практическую политику социальной справедливости, то уход от формулы социальной стабильности / нестабильности (Наан, 1998). Это выражалось в том, что для социологии очевидным стало прощание с такими ценностями, как демократия, эгалитаризм, социальное равенство.

В российском обществе уровень социального отчуждения, социальной депривации не только определяет жизненные стратегии социального дна и бедных, но и влияет на поведение и настроение среднеадаптированных слоев общества. Социальная эксклюзия представляется более многоаспектным понятием по сравнению с бедностью, нужно отметить, что нормативным значением обладает категория бедности, но, возможно, социальная политика, ориентируясь на феномен социальной эксклюзии, обретает новые контуры, связанные с пониманием «наследственных» и «приобретенных» механизмов социального исключения, пониженной готовности к социальной интеграции и проявлению социальной солидарности.

Методология исследования

Основоположниками в исследовании социальной эксклюзии являются зарубежные представители социальной науки, разделяющие взгляды социально-критической школы, близкие к неомарксистскому подходу или провозглашающие концепцию социального постмодерна, или поздней современности (Валлерстайн, 2003. С. 97). Иными слова-

ми, создается впечатление, что социальная эксклюзия – просто модный термин, принимаемый ради демонстрации прогностической силы социологии, ее созвучности общественным сдвигам и резонансам. Между тем с легитимацией социальной эксклюзии связаны парадигмальные изменения социологического видения и осмысления.

Социальная эксклюзия, таким образом, вносит диссонанс в сложившийся социологический дискурс двумя факторами: требованиями объективности и признанием плюрализма образа жизни и моделей поведения (Проблемы теоретической социологии, 2016. С. 189).

Социальная эксклюзия является внешне более гибким инструментом исследования, но одновременно содержит риск «вымывания» смыслов или значений, так как не включает однозначные идентификационные параметры. По существу, основным критерием социальной эксклюзии является дистанция от большинства, она характеризуется социальной и физической локацией. Социальная состоит в том, что группа придерживается автономных алгоритмов социального поведения, расходящихся с принятыми в качестве социальных ориентиров поведенческими паттернами (Ментальные программы, 2016, с. 254).

Для сторонников теории социальной эксклюзии важным является и ее принятие в качестве константы ущемления базовых прав личности (Бауман, 2002. С. 13). Таким образом, проявляется чрезмерная смысловая нагрузка, связанная с попыткой определить через социальную эксклюзию феномен и процесс, которые могут иметь различное происхождение и векторность. Предполагается, что для избежания экспансионизма социальная эксклюзия, прежде всего, определяет уровень депривированности относительно получения новых социальных и культурных благ, касается не только социального дна, но и распространяется на людей различного доходного уровня (Федотова, 2005. С. 150). Выбор методологии исследования социальной эксклюзии в российском обществе определяется, с одной стороны, влиянием структурно-функционального анализа, работающего в парадигме бедности, ориентации на модель социальной дифференциации (поляризации), с другой – актуальностью расширить рамки социального диагноза, рассмотрением групп, которые по статусным критериям могут быть квалифицированы как среднеадаптированные, не попадать под планку бедности и вместе с тем являться носителями социального отчуждения. Это новая социальная реальность в российском обществе, где классическая модель социальной дифференциации представляется ограниченной, если изучать и процессы межгруппового и внутригруппового взаимодействия, и формирование параллельных социальных

миров, в которых социальная эксклюзия проявляется в моделях поведения, этических кодексах (мораль для «своих»), сниженном уровне социальной эмпатии. Исходя из этих обстоятельств, можно заявить о том, что методология исследования социальной эксклюзии в российском обществе предполагает многомерную модель, основанную на принятии и объективных параметров, определяемых социальным позиционированием и социальным капиталом на личностном и групповом уровнях, и субъективных параметров, связанных с социальными диспозициями, схемами восприятия и оценки, алгоритмами жизнедеятельности.

В методологии исследования социальной эксклюзии применяется структурно-деятельностный подход, реализуемый в работах российских социологов, тогда как в зарубежной социальной науке присутствует аналитический, объяснительный, прогностический потенциал структурно-деятельностного подхода, включающий наработанные схемы социальной дифференциации, институциональных практик, ценностных установок. Таким образом, методология исследования основывается на возможностях изучения социальной эксклюзии в динамике социальных настроений, ожиданий, оценок различных групп российского общества в контексте избыточных социальных неравенств, сокращения восходящей социальной мобильности, актуализма жизненных сценариев и ухода на социальный микроуровень.

Результаты

Социальная эксклюзия характеризуется тремя измерениями в российском обществе. Первое – структурное, связано с социальными диспропорциями, социально-имущественными неравенствами, формированием в обществе социального дна, которое насчитывает 5–7 % социально активного населения. Явным фактором социальной эксклюзии является рост социальной категории лиц без определенного места жительства, но и втянутых в процесс десоциализации, имеющий необратимый характер, означающий социальную «смерть». По этому показателю нельзя принять достоверные обобщения относительно уровня социальной эксклюзии в российском обществе, так как отчуждение и депривированность дисперсированы. Вместе с тем рост данной социальной категории означает не только неэффективность социальной политики, но и утрату базовой социальной солидарности, социальной кооперации, взаимопомощи, кризиса семейно-родственных отношений. В этом смысле данное явление можно обозначить как симптомы социальной эксклюзии, «болезни» российского общества. При этом следует

подчеркнуть, что структурная эксклюзия коррелируется с институциональной, с неравенством доступа к социальным ресурсам и благам, с тем, что не развиты механизмы дистрибуции социальных ресурсов, позволяющих создавать равные стартовые возможности (Идеальное общество ... , 2016. С. 153).

В институциональном измерении эксклюзия приводит и к высокой степени институционального недоверия, в частности, это проявляется в отношении к институтам социальной и правовой политики, и к оценке институтов как обслуживающих групповые интересы, т. е. дисфункциональных по отношению к заявленным функциям и закрытых для низкоресурсных социальных групп.

Социальная депривация в российском обществе, которая закрепляет социальную эксклюзию, характеризуется доминированием социального равнодушия, социальной апатии, индивидуализации жизненных стратегий и расширением «окна возможностей». Имеется в виду, что иллегальные практики, теневая деятельность становятся нормой поведения, одобряются социально и экономически активными группами. Данный вывод основывается на том, что 30 % российской экономики находится в тени, и на это влияет не только несовершенство рыночной системы, налоговая политика, но и социально-трудовые ориентации россиян, склонных полагать, что неформальные «договорные» отношения приносят больше пользы, чем следование легальным практикам. Речь идет и об уклонении от уплаты налогов, и получение зарплаты в конвертах, и о добровольном выборе неформальных контрактов, связанных с нарушением социальных и трудовых прав работников со стороны работодателя (Vodenko, 2017). Можно констатировать, что социальная эксклюзия воспроизводится как поведенческая схема (паттерн) и, являясь следствием бедности и депривированности, генерирует позицию нахождения вне общественного мейнстрима как способ социального самоопределения, отказа от социальной самоидентификации путем освобождения от социальной ответственности. В этом контексте интересен феномен социального патернализма, которому свойственны ожидание опекунов со стороны государства и вместе с тем сопротивление и страхи по поводу вмешательства государства в частную сферу, сферу неправовой свободы. Вместе с тем социальная эксклюзия в российском обществе имеет несколько иное концептуальное измерение по сравнению с зарубежными практиками, в частности, применение весьма схожих по своим показателям доходов, дискусионность выражается в том, что в российском обществе с большой натяжкой можно использовать критерии медианных, среднестатистических и

индивидуальных доходов, так как в Британии они превышают общероссийские более чем вдвое. К тому же следует учитывать специфику домохозяйства, сферу самообеспечения россиян, разноориентированные режимы экономии и накопления.

При этом российские исследователи учитывают депривацию социальных страт, но подчеркивают неприемлемость относительного подхода к бедности, так как в России очень низкой является социальная медиана бедности. Поэтому социальная эксклюзия «не срабатывает» в условиях работающей бедности, характерной для российского общества: россиянам сложно признаться в том, что они являются социально зависимыми, безнадежно проигрывают по сравнению со среднеадаптированными слоями населения. Важное значение обретает отсутствие критериев «глубинности» социальной эксклюзии, неактуализируемость состояния социальных контактов, анализа круга близких, моделей жизни. Между тем в данных индикаторах содержится солидный социологический массив, связанный с интерпретацией социальной эксклюзии в российском обществе как характеризующей травматогенную бедность. В аналитическом аспекте речь идет о том, что необходимо отказаться от борьбы с бедностью по вертикальному срезу, принять во внимание общественный мейнстрим и аутсайдеров. На основании этого можно констатировать, что социальная политика, нацеленная на воспроизводство бедности, является таковой потому, что не проецирует последствия социальной геттоизации введением «адекватных» социальных медиан, стимулирует социальную эксклюзию, так как под данную категорию, как объект социальной политики, попадают индивиды, ориентированные на пассивную адаптацию. Что же касается «мечтающих вырваться из бедности», для них приоритетным является восполнение дефицита ресурсов на основе профессиональной подготовки, территориальной мобильности, социального кредитования.

В этом контексте социальная эксклюзия лимитируется пограничием, отклонением от социальной нормы и не акцентирует внимание на социетальных показателях. Она перемещает фокус внимания на деятельность структур опеки, контроля и принуждения. Другими словами, социальная эксклюзия в российском обществе как объект социологического исследования требует введения критериев социологического анализа, направленных на определение социального самочувствия и социальной деятельности как ориентированных на социальное обособление. С проблемами социальной эксклюзии связана амбивалентность социальных идентификационных стратегий россиян. Однако есть опреде-

ленная недоговоренность в том, что игнорируется деструктивное влияние данной группы на социальное самочувствие групп мейнстрима, которые избегают, проецируют в состояние социальной немоты данную группу, но она проявляет себя в социальной агрессивности, экспансии социальных болезней, в страхе оказаться на социальном дне.

Дискуссия

В дискуссионном плане отметим, что в социологическом сообществе легитимирована данная проблематика, что есть стремление рассматривать социальную эксклюзию не как нечто модное, но не имеющее перспектив по сравнению со схемами классической бедности, а как аналитическую категорию, позволяющую диагностировать социальную структуру российского общества как смешанную, включающую традиционный и глобализируемый сегменты (Чупров, 2001. С. 192).

Выводы

В российском обществе сформировался определенный «размытый» образ социальной эксклюзии, отражающий белые пятна в исследовании данного феномена в контексте преобладания теории социальной бедности. Несмотря на объективные различия с зарубежными моделями социальной эксклюзии, обнаруживаются весьма незначительные свидетельства социальных разрывов. В российском обществе группы социальной эксклюзии, имея социальную локализацию в маргинальных слоях общества, социальном дне, испытывают высокий уровень социальной депривации, особенно по территориальному и возрастному признакам. Вместе с тем в основной массе они не посягают на открытую конфронтацию с обществом и стремятся ограничить социальный контакт, замкнуться в социальном гетто. Представленные в «социальном центре» группы испытывают влияние социальной эксклюзии, сегментированы в повседневных практиках и, действуя по схемам элементарной солидарности на социальном микроуровне, не демонстрируют стремления к решению возникающих социальных проблем на основе диалога, достижения конвенции относительно «правил игры» в российском обществе (Социальные факторы..., 2010. С. 254).

Литература

Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158–166.

References

Abrahamson, P. (2001). Social Exclusion and Poverty. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, No. 2, Pp. 158-166.

- Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. 390 с.
- Антонова В.К.* Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. 2013. № 2. С. 151–167.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
- Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае. М.: Новый хронограф, 2016. 421 с.
- Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: Монография / Отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. 366 с.
- Проблемы теоретической социологии. Вып. 11. СПб.: Петрополис, 2016. 248 с.
- Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое изменение. М.: Новый хронограф, 2010. 348 с.
- Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К.* Молодежь в области риска. М.: Наука, 2001. 231 с.
- Andersen J., Larsen J.E.* The Underclass Débat: A Spreading Disease? Social Integration and Marginalization. Frederiksberg: Science, 1995. 245 p.
- Haan, A. de.* Social Exclusion: An Alternative Concept for the Study of Deprivation? // *IDS Bulletin*. 1998. Vol. 29, № 1. P. 34–55.
- Vodenko K., Rodionova V., Shvachkina L.* Perspectives of Development of the Russian National Socio-Economic and Political Model // Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management / E.G. Popkova (ed.). Volgograd: Springer International Publishing AG, 2017. P. 423–428.
- American sociology. Prospects, problems, methods. (1972). M: Progress, 390 p.
- Antonova, V.K.* (2013). Concepts of social inclusion and exclusion in a global society: the drift of social institutions, actors and practices. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, No. 2, Pp. 151-167.
- Bauman, Z.* (2002). Individualized society. M.: Logos. 390 p.
- Wallerstein, I.* (2003). The end of the familiar world. *Sociology of the XXI century*. M.: The Logos, 368 p.
- Ideal society in the dreams of people in Russia and in China (2016). M.: New chronograph, 421 p.
- Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossijskom obshhestve: Monografija / Otv. red. A.V. Lubskij. Rostov n/D: Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 366 p.
- Problems of theoretical sociology (2016). Issue 11. St. Petersburg: Petropolis. 248 p.
- Social factors of the consolidation of Russian society: the sociological dimension. (2010). M: Novy Chronograph. 348 p.
- Fedotova, V.G.* (2005). Good society. M.: Progress Traditsiya. 544 p.
- Chuprov, V.I., Zubok, Yu. A., Williams K.* (2001). Youth in the field of risk. M.: Nauka. 231 p.
- Andersen, J., Larsen, J.E.* (1995). The Underclass Débat: A Spreading Disease? Social Integration and Marginalization. Frederiksberg: Science. 245 p.
- Haan, A. de.* (1998). Social Exclusion: An Alternative Concept for the Study of Deprivation? *IDS Bulletin*. Vol. 29. No. 1, 34-55.
- Vodenko, K., Rodionova, V., Shvachkina, L.* (2017). Perspectives of Development of the National Socio-Economic and Political Model. In E.G. Popkova (ed.). *Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management*. (pp. 423-428). Volgograd: Springer International Publishing AG.